

Анатолий Агарков
Надежда Сергеева

**Сила Берендея с
нами навек**

Анатолий Агарков

Сила Берендея с нами навек

«Издательские решения»

Агарков А.

Сила Берендея с нами навек / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931814-5

Этот совместный наш труд с Надеждой Сергеевой начинался как повесть о приключениях мальчика в дохристианской Руси. Со временем он подрос до размеров романа и изменилась суть произведения. В «Силе Берендея...» раскрывается менталитет русского народа — откуда есть пошел несокрушимый дух народный, его единение с живой природой, его любовь к своей Родине. Обозначена историческая миссия России как миротворца на Земле... Ну и конечно же присущие фэнтези драконы, превращения, сражения и приключения...

ISBN 978-5-44-931814-5

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сила Берендея с нами навек

Анатолий Агарков

Надежда Сергеева

*Наша сила – в силе мысли, в силе правды, в силе слова.
/Александр Иванович Герцен/*

© Анатолий Агарков, 2018

© Надежда Сергеева, 2018

ISBN 978-5-4493-1814-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Малушка вздрогнул и проснулся.

Выглянув из потаёнки, внимательно прислушался. Разбудивший его звук повторился рядом. Кто-то плакал в лесу. Голос девичий. Откуда в такой глухомани могла взяться девушка?

Малушка осторожно выбрался наружу, поднялся на камень, скрывающий вход в потаёнку, и огляделся. Неподалеку за елями увидел сидящую на пенёчке девчонку, немного младше его.

Привычно легко и бесшумно двигаясь меж деревьев, Малушка подошел ближе.

– Ты откуда здесь, чудо лесное? – тихо спросил он.

Девчушка замолчала и подняла на него глаза. И тут же зажмурилась что есть сил, закрыла лицо руками и что-то зашептала.

Малушка подошел ближе, отнял ее руки от лица:

– Посмотри, я не леший, я человек. Откуда ты здесь взялась? – повторил он вопрос.

Продолжая всхлипывать, неожиданная лесная гостья тихо произнесла:

– Заблудилась. Я с бабушкой Добрянной в лес по травы пошла и не заметила, как от неё отстала, в другую сторону попала и вот... сюда пришла. А ты кто?

– Зовут меня Малушкой. Раньше жил с отцом в поселении, а как отец зимой помер, меня староста к весне из дома выгнал. С тех вот пор и живу в лесу. Бортничаю, а мёд в поселении на хлеб да молоко меняю. А ты звать-то как?

– Я Дарёна, воеводы Ужгорской крепости дочь. Малушка, – Дарёна потупила взгляд, – а у тебя не найдётся для меня хлебушка с молоком, уж больно кушать хочется.

Малушка улыбнулся, скрылся в своей потаёнке, достал крынку с молоком, отломил от буханки кусок хлеба, сдобрил его мёдом и принес своей неожиданной гостье.

Дарёна торопливо ела, отвернувшись от мальчика. А когда наелась, Малушка спросил:

– И давно ты плутаешь по лесу?

Девочка взглянула на него заплаканными глазами и вздохнула:

– Ночь в лесу ночевала, – и снова заплакала. – Страшно было очень.

– Вот впредь знать будешь, как одной в лесу очутиться – станешь держаться за спутника, – совсем как взрослый строго сказал мальчик. – Ладно, поела, пора и в путь. Провожу тебя до Ужгорска. Ты погодь маленько, я котомку в дорогу соберу.

Малушка снова скрылся в своей потаёнке. Вскоре вернулся с котомкой за плечами и подал Дарёне небольшой аккуратный посошок:

– На вот, опирайся: идти легче будет – не так устанешь, а путь-то неблизкий; день идти да ночь прихватим, далёконько ты забрела.

Дарёна приняла посох и зашагала за Малушкой.

Тот шёл неторопко, поглядывая на спутницу – не устала ли? Как только понял, что Дарена начала отставать, нашел подходящий пенек, усадил на него девочку, дал хлеба и ключевой воды – благо баклажку из бересты перед походом наполнил.

Вдруг далекий, но знакомый звук заставил мальчика насторожиться. Он прилёг наземь и приложил ухо к тропинке. Всадники!

– Дарёна, нам надо спрятаться, – заторопил он её.

Оглянувшись вокруг, Малушка не увидел ничего более или менее подходящее для схрона. Оставалось одно – вверх, на разлапистую ель, растущую чуть в стороне от проезжей тропинки.

Подсадив Дарену на нижние ветки, он помог ей взобраться выше. Только они успели скрыться за еловыми ветками, как по поляне галопом проскакали всадники в разноцветных

кафтанах и с перьями на шлемах. Над каждым на пике качался бунчук. Нахлестывая коней нагайками, они вскоре скрылись в чаще.

Дарёна сидела на ветке ели ни жива, ни мертва – по щеками блестящими нитями скользили слезки.

– Кто это? – еле выговорили она.

– Печенеги, – посуловел Малушка, – видать в набег ринулись. Давай спускаться.

Помогая Дарёне нащупать ногой устойчивую ветку, он помог ей спуститься на землю.

– Посиди-ка тут, под ёлкой, я ночлег сооружу.

Нарубив лапника, Малушка обложил им нижние ветви широкой ели, накидал сверху сухих иголок и листвы, сделав шалашик практически незаметным снаружи.

– Вон, платье порвалось, – вдруг заметил Малушка, задумался и спросил, – Дарёна, а ты шить умеешь?

– Умею. Нянюшка научила, а что?

– Надо из твоего сарафана штаны сделать, удобней идти будет да по веткам лазить, если придётся.

Что ж, дом далеко, Малушка рядом и, кажется, неплохой отрок – подумала Дарёна – надо ему довериться.

И тут девочка поняла, что уже не боится случайного встречного: ведь он накормил её, взялся домой отвести – поэтому она его будет слушаться. Без Малушки ей из леса не выбраться. Девочка с теплом смотрела на мальчика будто он её старший брат.

Вздыхнув, Малушка достал из котомки хлеба, отломил кусок и вместе с баклажкой протянул Дарёне.

– Поешь. Костёр разводить не будем. Степняки, как волки, далеко дым чувят.

Девочка слишком устала, поэтому сразу же, поев, забралась в шалашик из елового лапника.

– Ты очень смелый, – сказала она, засыпая.

Малушка усмехнулся, мысленно отчитав себя за то, что стал в глазах девочки героем. Опасные печенеги не выходили у него из головы. Не будь с ним девчонки, он бы помчался за ними по следу. Нет, Малушка не самый великий воин – с мечом ему не выйти на врага. И лук настоящий ему не натянуть так, чтобы стрела пробила доспехи. Но есть у Малушки праща, и камни, пущенные его рукою, разят врагов не хуже стрел. Из пращи он может в белку попасть. Пущенный раскрученной пращою камень размером с кулак сбивает всадника с коня, разбивает голову даже в шлеме, обгоняет летящую стрелу....

Девочка всхлипнула во сне.

Нет у Малушки ни сестер, ни братьев, родителей нет и деда с бабкой, никого у него не осталось на белом свете. И вот надо же! – какая-то приبلудница стала ему дороже сожжённого печенегами посада, убитых или угоняемых в полон русских людей.

Ты что, Малушка, так расслабился? Ты же мечтал стать великим витязем – защитником угнетенных и обиженных. Ты мечтал степнякам навсегда пресечь все пути на Русь. И вот, какая-то заблудившаяся девчонка отнимает твоё внимание и время. Ты что, Малушка?

Думая о печенегах и девочке, Малушка чувствовал, что её горе ему ближе и заполняет всё сердце. Он не может бросить её и помчаться за ворогами.

Ночь была на исходе, когда Малушка принял окончательное решение – сначала девчонка, а потом печенеги. И удивительно – он никогда не чувствовал себя таким уверенным и бесстрашным.

Солнце позолотило верхушки елей, когда Дарёна выбралась из шалаша.

– Какое утро чудесное! – улыбнулась девочка.

Малушка сидел с суровым видом.

– Мне кажется, нам надо поговорить. Начнем с того, что ты заблудилась. Потом мы увидели печенегов. Знаешь кто это? Убийцы и грабители. Их мало, но они крадутся тайком. Ужгорскую крепость им, конечно, не взять, но какое-нибудь селение они смогут разорить, убить или угнать людей в полон. Если бы я не обещал проводить тебя к твоему отцу, я бы помчался за ними вслед. . . .

– Ты же еще мальчик! Что ты можешь против здоровенных мужиков?

Малушка поднялся и достал из котомки пращу. Поискал глазами в траве и нашел плотную нераскрывшуюся шишку. Сунул ее в пращу.

– Смотри. Видишь, на ветке шишки висят? Вон ту крайнюю я сейчас собью.

Он размотал пращу, пустил шишку в полет и сбил другую.

– Ой, как здорово! – Дарена запрыгала и захлопала в ладоши. – Ты научишь меня?

– Научу, если мы устремимся за печенегами. И не научу, если мы пойдем в Ужгоскую крепость. Отдам тебя батюшке и сразу обратно – встану на печенежский след.

– Как же ты увидишь его?

– Я зверя выслеживал в лесу. А след лошадиный за версту обнаружу.

– И шишками побьешь степняков?

– Для таких случаев в котомке есть всегда пара-тройка булыжников – по дороге ещё найдём. Решай, Дарёна – куда мы идем?

Девочка задумалась. Пойти с Малушкой по следу печенегов, конечно, заманчиво, интересно. Но в крепости ждут мать и отец, да и Добряну по голове не подглядят, за то, что за нею, воеводиной дочкой, не уследила. Вздохнув, она совсем как бабушка Добряна проворчала:

– Не гоже отца с матерью страдать заставлять. Не гоже, ежели нянюшку накажут из-за меня. Значит, идти надо в крепость. А по дороге ты меня лесной науке учить станешь. Ты не бойся, я понятливая.

– В крепость, так в крепость, – согласился Малушка, – только давай тут малость задержимся. Ты сарафан в штаны переделаешь, нитка и иголка там, в котомке лежат в берестяной коробушке. Готова будешь, а там и в путь.

Дарёна кивнула и вернулась в шалаш. Малушка слышал, как она прошуршала одежкой, как начала тихонько петь, приступив к шитью.

Убаюканный песенкой Дарены Малушка неожиданно для себя задремал. Смешались сон и явь. Тут и жестокие степняки, махавшие саблями, и плачущая на пеньке Дарёна, и бородатый староста, кричавший «Пшёл вон, сам справляйся!»

Проснулся он от легкого прикосновения и тихого голоса:

– Малушка, вот смотри, как получилось.

Он открыл глаза и посмотрел на девочку. Она разрешила подол сарафана и сшила его портками, отрезанный верх пошел на тряпицы. Рубашку Дарёна заправила в портки, но они не хотели держаться. Малушка, скрыв улыбку, пошарил в котомке, достал веревку, отрезал от нее кусок и подал Дарене:

– Подвяжись, заправь под верёвку.

Внимательно оглядев спутницу, Малышка снова полез в котомку и достал шапку:

– На, косы спрячь. Шапка отцова. Вот, вся память и осталась, – вздохнул мальчик, – ну, пора в путь. Пошли.

– Пстой, Малушка, надо поблагодарить ёлку за приют да лесавке гостинец оставить, чтобы нам в дороге по лесу не мешала, а помогала, – проговорила торопливо Дарёна и начала что-то шептать, спрятав в ладошки веточку ели.

Когда она закончила, Малушка протянул ей кусок хлеба, смоченный в молоке, который Дарёна аккуратно пристроила в перекрестье веток.

На прощанье Дарёна погладила ладошкой еловую лапу и первой ступила на малозаметную тропинку. Малушка смерил взглядом ель, давшую им приют, и, как Дарёна погладив иголки, прошептал:

– Спасибо.

Он шагал рядом с Дарёной и думал о том, как далёк он от того, что она сделала сейчас. Когда живы была матушка и бабушка, имена богов всегда звучали в доме, а неподалеку в лесу отец устроил капище. Но, оставшись вдвоём с сыном, отец забросил его и не вспоминал больше богов-покровителей. Оттого и Малушка не помнил их.

Они уже почти вышли из леса, как вдруг раздался страшный рык, лошадиное ржание и громкое хлопанье крыльев.

Малушка поспешил залечь в кустах и закидать ветками притихшую Дарёну.

Сквозь деревья они увидели кружащее над поляной чудище, похожее на змея, но с крыльями. От него пытались отбиться те самые всадники, встреченные ими прошлым вечером. Испуганные кони вставали на дыбы, копытами стараясь отбиться от врага. Кони настолько были напуганы, что даже таким умелым наездникам как печенеги было не удержаться на них верхом. Степняки растеряли весь свой скарб, кололи зверя пиками, но чудище ухитрилось схватить одного из них и полетело прочь.

– Что это было? – спросила Дарёна.

– А ты что увидела?

– Что-то такое, чего раньше не видела. Может быть, ты мне расскажешь.

– А я тоже его первый раз вижу, – пожал плечами Малушка.

Дарёна прошептала:

– Рассказывала мне бабушка Добряна, что далеко-далеко отсюда в горах живёт страшный зверь чудо-юдо Змей Горыныч, он летает на крыльях, дышит пламенем и о трёх головах.

Малушка искренне удивился словам девочки.

– Я такого не слышал. Да и этот вроде одноголовый... но летает, зараза!

Выждав какое-то время, Малушка вновь встал на тропу, ведущую к крепости. Дарёна, не отставая, следовала за ним.

– Я думаю, это чудище еще задаст проклятым печенегам. Было бы интересно проследить за ними.

Но девочка шла и молчала.

Ну, что же, пусть молчит, испужалась поди, – подумал юный бродяга – всё-таки дочь воеводы.

Уже в виду крепости Малушка остановился:

– Ну, вот ты и дома.

– Ты действительно очень хороший следопыт. Такой бы разведчик отцу пригодился. Пойдём, я тебя познакомлю с ним.

– Когда живёшь в лесу, понимаешь его – ничего сложного.

Однако, Дарёна заметила, что на щеках её проводника появился румянец, а взгляд потеплел.

– Я бы с удовольствием служил разведчиком твоему отцу, но не люблю кланяться, кому бы то ни было. Мой отец был вольным человеком, а я его сын.

– Но ведь жизнь так устроена – кто-нибудь кому-нибудь обязательно служит. У моего отца три десятка воинов, и они его все уважают. Дружинники слушаются его, а он их хвалит или наказывает, если кто-нибудь провинится. Отец поставлен сюда князем – князя все слушаются....

Тут Дарёна поняла, что сказала лишнее. Малушка мгновенно помрачнел, на его лице отразились раздражение и испуг, перешедшие в маску неприступности.

– Я никому не хочу служить, даже князю. Мне в лесу хорошо одному, а ты ступай в крепость.

– Но ведь нельзя в одиночку победить печенежскую орду.

– Я и не собираюсь этого делать.

– Но ведь ты хотел встать на их след.

– А там не орда, а всего несколько человек.

– Малышка, – девочка скинула шапку и отвела за плечи тугую косу. – Пойдем, я познакомлю тебя с моей мамой. Она очень хорошая и никем не командует. Она покормит нас и даст тебе на дорогу еды.

Мальчик откинул со лба длинную прядь волос и мрачно взглянул на Дарёну.

– Моя мама тоже доброй была, – тихо сказал Малышка, на мгновение задумался и грустно улыбнулся. – Мамы у всех добрые, наверное, они так устроены.

Эта грустная улыбка мальчика потрясла Дарёну до глубины души. Ей изо всех сил стало жалко одинокого лесного жителя.

– Если ты не пойдешь со мной, она будет думать, что я тебя чем-то обидела и запечалится. Пойдём, я подарю тебе щенка. Вдвоём будет вам веселей в лесу.

Малышка прятал свой взгляд.

– Пойдем, или я буду думать, что ты трус, и боишься взглянуть в глаза воеводе, – настаивала девочка.

К её изумлению, спаситель покраснел, как рак.

Малышке стыдно было признаться, что Дарёна оказалась права, ему и вправду страшно было предстать пред воеводой. Ведь кто он такой? Сирота бездомный.

Дарёна медленно пошла к крепости, потянув за собой упряма, и он сдался. Отнял свою руку и зашагал рядом.

Когда до крепости осталось совсем немного, Малышка услышал, как на крепостной стене поднялся переполох, и тут же ворота, скрипнув, приоткрылись, и из крепости выбежала женщина. Плача, она обнимала Дарёну:

– Доченька моя, вернулась. Как же я молила Ладу и Макошь, чтобы ты нашла дорогу домой.

– Матушка, я не послушалась Добряну, отошла от неё и заблудилась. Пропала, если бы не этот отрок. Он спас меня и к крепости привел.

Только после слов дочери женщина обратила внимание на мальчика, стоящего рядом, и внимательно взглянула на него.

В это время из ворот вышел сам воевода, окруженный дружинниками.

– Всеслава, – раздался зычный густой голос, – уведи дочь, да приведи её в порядок.

– Батюшка, этот мальчик спас меня от печенегов, – успела сказать Дарёна, увлекаемая матерью за ворота крепости.

Малышка хмуро смотрел на воеводу и его свиту. Сердце его билось словно заяц в силках.

– Ну, здравствуй, – произнес воевода, сделав шаг навстречу Малышке.

Тот собрал в душе всю свою храбрость и взглянул в глаза воеводе:

– Здравствуй, воевода. Что ж люди твои за дочкой плохо следят? Я нашел её аж у Синей елани.

Воевода хмыкнул в седые усы и улыбнулся:

– Смел, однако. А правду Дарёна сказала про печенегов?

– Правду, – Малышка смотрел в глаза воеводе и думал об отце – такой же взгляд был у него, когда он Малышку похвалить хотел.

– И как тебе удалось? – недоверчиво проговорил воевода, хотя мальчик ему явно нравился.

– Я услышал топот их коней, – Малушка был серьёзен, – и мы вместе с дочерью твоей влезли на ель густую, там, в ветках и сидели; под той же елью и шалаш я сделал, чтобы ночь скоротать.

– А как дорогу до крепости нашёл? – продолжал допрос воевода.

Малушка посмурнел:

– В прошлом лете я с отцом на ярманке был, мёд мы с ним торговали. Вот дорогу я и запомнил.

– Стало быть, отец твой бортник? – последовал вопрос воеводы.

Малушка отвел в сторону глаза, которые наполнились слезами:

– Бортничал, охотничал, рыбалил... на семью да на продажу.

– А почему ты сейчас один? Где отец? – не унимался воевода.

Малушка молчал, горло сдавил комок, и он с трудом выговорил:

– Померли они все в зиму. Как снег упал братейка с сестрой померли. В самый мороз матушка упокоилась. А ближе к весне и батюшку лихоманка свела.

Воевода вздохнул сочувственно и крикнул в сторону ворот:

– Эй, Баламошка, подь ко мне.

Из крепости выбежал небольшого роста мужичок, обутый в неряшливо сплетённые лапти – одна онуча расплелась и тянулась за ним змейкой. Худые голые руки смешно выглядывали из одетого мехом наружу кожуха с оторванными рукавами. Голову венчала островерхая шапка.

– Звал, батюшка воевода? – почтительно склонившись, спросил Баламошка.

– Поручаю тебе сего отрока, – указал на Малушку воевода. – Своди его в баню, накорми, одень, как подобает, да ко мне в светлицу для разговора приведи.

Воевода еще раз окинул взглядом стоящего пред ним Малушку, повернулся и вошел в крепость.

Баламошка улыбнулся:

– Айда, милёна моя, в крепость. Банька у воеводы знатная. Попаришься с дороги.

Малушка с неохотой пошел за мужичком. Он не заметил как Баламошка переглянулся с дородным мужиком, прятавшимся в тени ворот.

Вместо бани Баламошка привел мальчика к каким-то развалинам у восточной стены крепости. Пол уже зарос травой и кустами, а пустые проёмы в стенах свидетельствовали о том, что когда-то в них были окна.

Поведение дурачка озадачило.

– Здесь ты и посидишь, – сказал Баламошка, подталкивая его вперёд и доставая из кармана верёвку. – Ничего с тобой не случится. А время придет, выпущу.

Малушка попятился.

– Ты что удумал?

Дурак заскрежетал остатками зубов и сильным толчком сбил его с ног. От удара о камень у Малушки закружилась голова. Однако он нашёл в себе силы вскочить на ноги и попытаться достать нож из котомки. Баламошка оказался проворнее. Заломив ему руки за спину, он связал запястья верёвкой, край котомки сунул кляпом в рот и затянул тесёмку узлом на затылке. Подтащил брыкавшегося мальчишку к яме среди развалин и толкнул вниз.

Удар от падения смягчили росшие в ней заросли малины и кипрея.

Когда Малушка взглянул вверх, увидел в глазах Баламошки страх и гнев.

– Я не хочу тебя убивать, – будто оправдываясь, сказал дурак. Теперь в его взгляде странным образом смешались злость и обида. – Но ты не вовремя здесь появился. Так что звиняй....

С этими словами Баламошка прочь пошел, а Малушка сел, упираясь в стену голбца.

Что это было? Чему (кому?) он помешал, появившись в крепости? Что затеял хитрый дурак? И почему он не выполнил приказ воеводы?

Десяток вопросов и все без ответа. Голова раскалывается, руки связаны, во рту собственная котомка. Мальчик помотал головой, в попытке избавиться от нее. Тщетно. Хоть вой от тоски безысходной...

Дарёна, умытая и причёсанная с лентой, в косу вплетённой, в сарафане новом, подвязала косынку на голову и побежала во двор.

– Куда ты, Дарёнушка? – всполошилась нянька.

На её крик из горницы вышла Всеслава и с улыбкою посмотрела дочери вслед.

– Должно быть, к спасителю своему побежала. Вот егоза!

Добряна показала ей узелок:

– Так прихватила бы пареньку обнову – не в рамках же воеводе ему являться.

– И то верно, – спохватилась Всеслава и велела девке. – Беги, Хорина, догони, верни – пусть портки возьмёт новые для спасителя своего и рубаху. А уж кожушок расшитый я сама ему подарю.

Дородная сенница пустилась в погоню за юркой девчушкой. Махнула рукой мужику, случившемуся в воротах усадьбы:

– Держи её!

Бородатый присел, расшаперев руки – ну, чисто ловец козлят на лугу.

Дарёна со смехом кинулась в сторону, понеслась вдоль забора – всё равно ушмыгну! Челядь дворовая, забыв все дела, кинулась её ловить.

Мать и нянька Добряна с улыбками и любовью в глазах смотрели на весёлую чехарду погони. Гоготали гуси, собаки лаяли, взбалмошно носились куры; опрокидывались пустые кадки, деревянные вёдра с водой – кутерьма кутерьмой!

– Три дня в доме тихо было, – сказала бабка Добряна, шмыгнула и утерла слезу уголком платка.

– Да будет тебе, – ласково шлёпнула её по руке Всеслава, не стесняясь счастливых слез. – Пусть гомонятся: все ведь скучали.

Наконец, Дарёну поймали и за руки подвели к крыльцу.

– Ну, скажи мне на милость – в кого ты скаженная такая? В лесу потерялась. Из леса пришла в штанах вместо платья. Дело ли это девичье? – Всеслава со строгим лицом отчитывала дочь. – Вот спасителю своему возьми портки да рубаху – пусть после бани оденется в чистое. Как воевода с ним отглоголит, домой приводи – покормим его.

– Думаешь, он опять в лес пойдёт? – тревогой подернулся чистый взгляд Дарёны.

– А ты поуговаривай, – хмыкнула нянька Добряна. – Докажи, что ты нашего бабьего племени.

Не успела Всеслава к самовару сесть, как у крыльца появилась плачущая Дарёна. Мать всполошилась – кто посмел обидеть дитя!? Девочка присела на ступеньку и, всхлипывая, сказала матери и нянюшке, ждущих её слов:

– Нету Малушки в бане. Она и нетопленая стоит.

– Как это нетопленая? Кто посмел приказ воеводы не справить? – возмутилась Всеслава.

Дарёна вздохнула, смахнула со щек слезинки:

– Я пришла, а там возле заплота банщик дрова колет. Он и сказал, что никто ему не велел баню немедленно топить.

– Не плачь, доченька, ты иди с нянюшкой в светелку, повышивай, а я к отцу пойду, все узнаю, – Всеслава погладила дочь по голове, поправила кичку и, накинув сверху платок, величаво вошла в дом, направляясь на мужскую половину.

– Ты, Важин, странные слова баешь, – воевода с недоверием смотрел на волхва. – Почему я должен верить тебе?

– Былята, ты не зря поставлен князем над крепостью, – волхв, опираясь на посох, дошел до лавки и сел. – Своим умом и сильным сердцем заслужил ты княжее благословение. Дружина тебя уважает, в посаде народ тебя любит. Но от предательства даже ты не защищён. Карна и Желя скоро в крепость придут, ведомые Мораной, ежели ты меня не слушаешь.

– Ты упреждаешь о предательстве, а имён не называешь, – сомневаясь, проговорил воевода. – Кто готов предать крепость и всех нас?

Важин смотрел в окно, думая о своём. Потом повернулся к воеводе:

– Лиц я не видел, голоса знакомыми показались, а вот точно сказать не могу. Знак будет дан Перуном али Велесом – надо жертву принести. Пойду я говорить с богами.

Былята хмуро смотрел вслед уходящему волхву. Сумел, таки, Важин, заронить в сердце воеводы тревожные сомнения.

Лёгкие шаги жены отвлекли его от дум. Былята, взглянув на Всеславу, понял – она чем-то недовольна.

– Что случилось, матушка? – ласково спросил воевода жену.

– Случилось. Приказ твой не выполнен, вот что случилось, – голос Всеславы дрогнул. – Отрока, что дочь нашу спас и домой привёл, нет в крепости. А баня даже и не топлена стоит.

– Что?! – поднялся с лавки воевода, – позвать сюда Баламошку!

И минуты не прошло, как верные дружинники втокнули в светлицу дурачка. Тот уселся на пол и подолом рубахи давай утирать лицо, будто только что мылся.

– Ты пошто моего приказа не выполнил? Почему мальчика в крепости нет? – грозно спросил Баламошку Былята.

– Ай, милёна моя, как же я приказ твой выполню, ежели малец, как ты в крепость вошёл, в лес от меня убежал. Не захотел, знатца, милостей воеводы, – почёсываясь, разлегся на полу дурачок.

– Убежал, говоришь? – опустил на лавку воевода. – Пшёл геть отсель. Видишь, Всеслава, спаситель дочери нашей не захотел благодарности от нас принять. Сбежал. Так и скажи Дарёне.

Малушка попробовал освободиться от пут, но это ему не удалось. Единственно, что получилось, так это выплюнуть кляп изо рта. Вдруг он почувствовал, как по ноге кто-то перебирает маленькими лапками. Помня отцово наставление, Малушка прошептал:

– Ты дитя Берендея, я дитя Берендея – вместе нам никто не страшен.

Маленький гость переполз на плечо, пошмыгал носиком, щекотнув узника усами, и вдруг сказал:

– Сила Берендея с нами навек. А ты не из крепости. Тут никто заветных слов не знает. Ты кто?

Малышка повернул голову к плечу и увидел крупную крысу:

– Малушка я, сын бортника Ерофея. А ты?

– Слушай, а что это так вкусно пахнет из твоей котомки? – крыса шумно втянула воздух ноздрями. – А меня звать Пацук.

– Я бы угостил тебя, Пацук, но руки связаны, – улыбнулся Малушка.

– А, ну я это быстро исправлю, – сказала крыса и ловко перегрызла верёвки.

Малушка размял затёкшие руки и достал из котомки хлеб и мёд. Обильно смазал кусок и положил перед крысой:

– Угощайся.

Крыса, отвернувшись от мальчика, быстро расправилась с угощением.

– Добрый ты, дитя Берендея. Случись нужда какая, брось оземь вот эту горошину – будет тебе от всех детей Берендея помощь, – Пацук подал Малушке маленькую сухую горошину и скрылся среди развалин.

Малушка завернул горошинку в тряпицу, оставленную Дарёной, и положил в кармашек на котомке.

Оглядевшись вокруг, Малушка понял, что место это остатки какого-то строения, от бывшей стены шел неприятный запах. Мальчик выглянул в щель между гнилыми досками, за ними располагались пустые стойла.

«Скот, поди, на выгоне», – подумал Малушка и направился в противоположную сторону.

Света было мало, потому шёл он сторожко, вытянув вперёд руки. Через несколько шагов наткнулся на стену, ощупал её по сторонам и вверх.

– Крепостная стена, – произнес шёпотом. – Пойду вправо, всё от ямы подальше.

Ощупывая левой рукой крепостную стену, Малушка медленно шёл вперёд. Вдруг он услышал неясный говор. Сделав еще пару шагов, он прислушался. Говорили двое. Голос одного показался Малушке очень знакомым. Да и второй он слышал недавно – так это Баламошка говорит с кем-то.

Баламошка говорил громко, никого не опасаясь:

– Да ты не бойсь, милёна моя. Малой связанный в яме лежит, во рту кляп вставлен – не пискнет.

Второй голос глухо басил ему в ответ:

– Я хочу, чтобы все было шито-крыто – не допусти Велес, воевода прознает. Ты слышишь меня, Баламошка?

– М-м? Да-да, уважаемый, слушаю, – бормотал дурачок. – Но ведь знаешь, в крепостишке нашей живет волхв. Как бы чего не пронюхал.

– Дай срок, мы и волхва умоем. Кто он против Морены? Червяк! – жутко знакомый голос гоготнул баском.

Малушка дрожал при одной мысли, что угодил в паутину заговора. Как поступить, чтобы не ошибиться? Чтобы предателей извести да свою буйну голову не сложить. Ему не страшно: он прирождённый разведчик – только бы не ошибиться. Первой мыслью было – бежать, доложить воеводе. . . . Но надо дослушать, пока говорят.

– Скажи, Баламошка, ты бы мог Бьялту ножом прикончить или отравой извести?

Дурачок шумно сморкался, сопел и кряхтел, ковыряясь в носу грязным пальцем, и делал вид, что не слышал вопроса. Собеседник толкнул его:

– Ты что, глухим притворяться вздумал – вмиг уши прочищу.

– Ну, вот, – огорчился дурак, – палец сломал.

Послышался звук затрешины и знакомый бас:

– Поёрничай у меня еще – головой назад будешь ходить.

– Больно крут ты, милёна моя. С друзьями так не годится.

Тот, что с басом знакомым, отхаркался, сплюнул и так саданул кулаком дурака, что тот кубарем покатился.

– Если мало, добавлю еще. Тоже мне, друг отыскался.

Баламошка захныкал:

– Все Баламошку обидеть стараются, нет ему в жизни счастья. А я хоть и дурак, но человек – из миски ем ложкой и утираю губы ладошкой, когда поем.

– Мерзкий червяк ты, а не человек.

– Для чего ты тогда ко мне обращаешься? Паренька вон велел заныкать. Теперь воеводу извести. . . . Делай сам, если я червяк.

– Молчать! Здесь я решаю, кому что делать. Кому жить, а кому помирать время пришло.

Баламошка насупился и замолчал, больше не пытаясь с собеседником спорить.

- Ты не ответил – пырнёшь воеводу?
- А рука дрогнет? Может, лучше ядом? Есть яд?
- Найду. Потемну здесь же встретимся – принесу.

Заговорщики пошли в разные стороны. Малушке очень хотелось взглянуть на того, басовитого, но мимо крался дурак Баламошка, и мальчик решил проследить за ним.

Шут воеводский вернулся в развалины, встал на четвереньки у края ямы.

- Эй, ты где? – чета я тебя не вижу. Шевельнись-ка....

Малушка прокрался к нему за спину, вынул из котомки пращу, вложил булыжник, раскрутил до легкого свиста....

- Я здесь, дядя – оглянись!

Дурак оглянулся, стал подниматься – праща с булыжником чуть не снесла ему голову с плеч. Скоморошным кувырком, боднув небо лаптями, Баламошка улетел в яму.

Теперь следовало пойти к воеводе и всё рассказать о заговоре. Но как пойдёшь, если не знаешь, того, что знакомым баском говорит. Он-то Малушку знает и сразу пырнёт ножом, не даст к воеводе на шаг подойти.

Паренёк присел в развалинах поразмыслить, доел остатки хлеба, что был в котомке – голода не утолил, но жить можно. Дождаться вечера и подкараулить на условленном месте второго, который яду обещал принести дурачку.

Он вернулся к стене крепостной, залег в высокой траве и стал ждать.

Долго ли коротко – время шло. Свечерело. Скот пригнали с выгона, поставили в стойла, подоили. Так захотелось молочка парного! В другой раз Малушка бы рискнул умыкнуть подойник из-под носа у баб. Но не сейчас.

Совсем стемнело. На башнях на стене зажгли факела. Часовые начали перекликаться. Взошла луна.

Малушка всё пытался вспомнить, где же он мог слышать тот грубый бас. И вдруг, словно свет луны осветил воспоминание! «Иди в дупле с пчёлами живи, тебе одному дом-то велик будет, а моему сыну как раз. Пшел вон, сам справляйся!». Староста! Но почему он в крепости и почему извести воеводу хочет!? Надо это выяснить!

Легкими неслышными шагами двинулся Малушка к месту встречи заговорщиков. Староста, прогнавший его из родного села, был уже там и тихо бормотал ругательства. Послышались шаги, и к старосте подошел человек в нерусской одежде.

- Зачем звать? – тихо проговорил он. – Не пришёл мой время ещё.

- Тирах, может мне пока из крепости в село вернуться? – пробасил староста.

- О, рюска струсиль! Рюска не воин! – еле сдерживал голос иноземец.

– Да, погоди ты орать, нечисть печенежская! – не говорил, шипел предатель. – Перед закатом дочка воеводина нашлась, а привёл её в крепость сын бортника из моего села. Он меня в лицо знает. Помешать нашим планам может!

Малушка сжал кулаки так, что ногти впились в ладони – помешаю, как есть помешаю!

– Тебя зналь, моя не зналь, твой малшик, – рассмеялся печенег. – Я кто? Я купец. Паривез на крепость меха, украшения. Как мне он помешает? Я видаль, как он у ворот был.

– Тирах, послушай, а вот как скажет он воеводе, что я его дом отобрал – велит воевода меня в тёмную посадить, – продолжал шипеть староста. – Кто тогда тебе поможет в нужный час? Дурачок этот? Много от его обиды на Быляту пользы...

Тирах задумался. Молча вышагивал вдоль стены, потом повернулся к старосте:

– Карашо. На заре уйди с крепости. И я уйду. Вернёшься, когда луна снова маладой будэт. К той время я и братья мои поспеют.

Печенег повернулся уйти, но староста тронул его за плечо:

- Погоди, Тирах, а может, нам отравить Быляту? Подсыпет Балабошка ему в пищу яду....

– Нет, – рявкнул Тирах, вспугнув ночную птицу, – убить воеводу высокий честь! Это мой делать будет.

Печенег смахнул руку старосты с плеча и зашагал прочь.

Предатель скрипнул зубами, но промолчал. Малушка осторожно выглянул из укрытия – староста сидел на бревнах, вглядываясь в темноту.

– Да куда этот дурак запропастился! Всё, хватит тут сидеть – пойду телегу соберу, да на заре прочь из крепости...

Малушка смотрел вслед ему. Он понял, что именно староста откроет ворота крепости, когда придут печенеги. Из-за подобного предательства была разграблена и разрушена в начале лета небольшая крепость на мысу в Заречье. Малушке об этом рассказали дружинники в Негельском погосте, когда он там мёд на хлеб менял.

Он еще не знал, как сумеет помешать планам предателей. Сначала решил осмотреться вокруг, понять, откуда смогут напасть печенеги, если не открывать главных ворот.

Выйдя из своего закутка, Малушка, тихо ступая, пошёл за старостой. Его внимание привлекла тихая песня, и Малушку словно верёвкой притянуло к костру. Вокруг сидели дружинники, один из них грустно пел о далеком доме, о покинутых родных. В сердце Малушки словно птичка забилась, на глаза навернулись слёзы.

– Не плачь, – обнял мальчика за плечи бородатый дружинник. – Все те, кто ушли от нас, живут в нашем сердце, только всегда помни о них. Да, я тебя узнал! Ты же дочку воеводы нашего из леса вывел. Ай, молодца! Братцы, а, ну, хлеба да миску каши герою. Поешь, да спать ложись. Сил набирайся.

Малушка не стал скромничать и отказываться от еды. С аппетитом умял полную миску каши с ломтем хлеба. Разморенный вкусной едой и согретый пламенем костра Малушка уснул. Сон был беспокойный, и с первыми лучами солнца Малушка был уже на ногах. С покидающими крепость подводами он выбрался за ворота. На одной из подвод мальчик заметил спящего старосту. Оставшись один, он погрозил вслед и прошептал:

– Ну, погоди, предатель, отольются тебе все мои слёзы, не сбудутся твои замыслы.

Малушка спустился к реке и оттуда глянул на крепость. Стены казались высокими и неприступными. Пологий берег постепенно стал крут, но по корням можно было забраться к самой стене.

– А тут можно смолу горючую заложить и стена сгорит на раз-два. Непорядок.

Надо бы воеводе подсказать, да обо всем предупредить – мол, жди печенегов в гости, а старосте сельскому, что повадился в крепость, не доверяй. Но очень Малушке хотелось взглянуть на купца, которого староста звал Тирах – куда он подался? что затевает?

Мальчик вышел на дорогу, по которой ушли подводы, и побежал легким волчьим намётом, которым хищники могут бежать и сутки, и двое – не останавливаясь. К обеду он догнал обоз купца, который расположился табором у родника Перуна – вон и идол его деревянный на камне стоит. Здесь хоть и не было поселения, но место излюбленное для пристанища. Всегда здесь можно увидеть, коль не купцов, так странствующих калик или просто странников. Вот и сейчас здесь вместе с людьми купца отдыхала ватага плотогонов, направляющихся к верховьям реки.

Малушка напился целебной воды, а потом сел трапезничать краюхой хлеба, что дали ему в дорогу дружинники, аккуратно собирая крошки с колен. Вдруг увидал чьи-то ноги в обуви с загнутыми носками и поднял взор. Перед ним стоял мордастый печенег с кинжалом за поясом в богато украшенных ножнах. Но поразило не это. Малушка почувствовал в его существовании скрытую угрозу и внутреннюю силу – грубую и страшную. Незнакомец его ненавидел – это мальчик тоже почувствовал.

Тирах! – подумал Малушка.

Вот он наклонился к мальчишке, и лицо с горящими злобой глазами заполнило собой все пространство.

– Приятно кушаль, малшик – сказал печенег с противным акцентом. – Небогато одним хлебом ести. Ступай са мной – мой тебя кормить вкусно.

Малушка не мог отвести глаз от его безбородого лица. Красноватая кожа с кровавыми прожилками, чёрные змеиные глаза, клиньями редкие зубы – опасная физиономия.

Змеиные глаза завораживают – печенег берёт его за руку, а мальчик ничего сделать не может. Он в страхе плетётся за ним. Ладонь у купца липкая, а Малушке кажется – пропитана кровью. Алая кровь капает с куска мяса, который ему протягивает человек купца по его знаку.

– Сырая печень. Ешь – станешь воином, – говорит Тирах.

Сам смеется, и смеется его человек.

Малушка послушно берёт, но ему кажется, что это печень убитого человека. Мальчик пятится. Тирах берёт его за руку, подтягивает печень ко рту своему и вонзает зубы. Отгрызает кусок и жуёт, показывая окровавленные зубы. Лицо его искажает немыслимая улыбка – должно быть, означающая верх блаженства. По подбородку течёт слюна, смешанная с кровью.

– Ешь. Лючий кусок гостью.

Купец разразился демоническим смехом. Его люди вторят ему.

– Рюска малшик слаб – он не ест сырой мяс.

Малушка, застыв от ужаса, смотрит на Тираха – тот чем-то похож на летающее чудище, которое они видели в лесу с Дарёной, когда оно напало на печенегов. На мерзкое чудище.

Подошел плотогон с топором за кушаком.

– Эй, красномордый! Ты чего к мальчонке пристал? Тяпнуть тебя обухом в ухо?

Он сказал, а его ватага дружно заржала у своего костра.

От заступничества, а больше от голоса плотогона – грудного, доброго, сильного – Малушка воспрял душой.

– Да не... ничего... он не пристал – он меня угощает.

И, преодолевая отвращение, откусил сырой печени и принялся жевать. Контакт с печенежским купцом ему нужен, чтобы все разузнать.

Когда плотогон отошел, покачав головой – ну-ну! – Тирах погладил Малушку по голове.

– Ты умный малшик. Такой мене нужен. Ты карашо знаишь дес места? Можишь привести мой караван, куда кажу? Я тебе заплачу серебряный деньга.

– Я тут родился и живу, – кивнул Малушка, доедая печень.

– Тогда мы друг друга нужен.

Купец с беспокойством посмотрел на отдыхающих плотогонов.

Глава 2

Малушка зевнул, потянулся и обратился к печенегу:

– Что-то меня в сон клонит, пойду вон под теми кустами прилягу. Нужен буду, разбудишь.

Тирах, жуя, кивнул и отвернулся от мальчика.

Малушка лег под кустом калины, приспособив под голову котомку. Сдвинув шапку на лоб, он стал наблюдать за купцом и его свитой. Те молча ели, когда один из охранников купца потянулся за баклажкой с вином, Тирах грозно по-своему крикнул и взмахнул рукой. Двое охранников поднялись и, на ходу жуя, ушли в тень, встав на пост.

Вдруг Малушка ощутил чье-то присутствие недалеко. Оглянувшись, увидел два ярко-красных огонька.

– Ты дитя Берендея, я дитя Берендея, вместе нам никто не страшен, – преодолевая страх, прошептал Малушка.

До него донеслось горячее дыхание и тихий голос:

– Сила Берендея с нами навек. Ты кто?

– Я Малушка, сын бортника. А ты кто?

– Идилон, дракон хана Карима. Хана враги отравили, и он был похоронен в кургане. На нём, я поклялся год отлежать невидимым и неподвижным, справляя тризну об умершем друге. Но вон те люди, что у костра, разграбили курган и разозлили меня. С тех пор я их везде искал, пока на днях не встретил на опушке леса.

Перед взором Малушки предстала недавняя картина на лесной опушке, и он возразил:

– Нет, Идилон, это не твои обидчики. Эти в то время были в стенах Ужгорской крепости, они только на рассвете её покинули.

– Ты уверен? – насторожился дракон.

– Да, – Малушка помялся, – Я видел, что случилось на той поляне – там были другие. А эти прикидывается купцами, но сами изыскивают, как лучше напасть на крепость. Я ночью слышал разговор их главного с предателем. Вот и пошёл за ними.

– Эй, малшика, – вдруг раздался крик Тираха, – ходи на моя сторона.

Малушка сделал вид, что проснулся, потянулся, тихо сказал дракону:

– Жди меня здесь, не выдавай себя, – и крикнул печенегу. – Чаво спать не даёшь, опал-зень?

Тирах пытливо смотрел на приближающегося мальчика.

– Слюшай, малшик, – тихо поговорил он, когда Малушка встал рядом. – Ты можешь знать дорогу к слободе?

– А зачем тебе туда? – Малушка достал из кармана небольшой ножик и стал строгать ветку, которую поднял у костра.

– Зачем-зачем... твоя знать не надо. Дорогу покажи! – повысил голос Тирах.

– Да ты на меня голос-то не повышай, – продолжая свое занятие, сказал Малушка. – Слобода эта недалеко от Муррома стоит – так мне батюшка говорил: он туда к родичам матушки ходил два лета назад. А я тогда малой еще был и с ним не ходил, потому и дороги этой не знаю. А чего тебе вдруг такую даль переться приспичило?

Тирах поднял удивленно брови:

– Что есть «приспичило»?

Малушка рассмеялся?

– Ох, голова твоя тупая печенежская! Это значит «надо»

– Надо, не надо, твоя знать нельзя. Иди, давай, спи! – проворчал Тирах, встал, подбросил в костер хвороста и ушёл в кибитку.

Малушка осторожно подошёл ближе и прислушался. Печенег говорили на своём языке. Огорчённый мальчик вернулся к кусту калины.

– Понять бы о чем они говорят меж собой, – прошептал он.

– Это просто. Великая мать драконов обучала нас магии, и могу тебе передать любое умение, – проговорил Идилон, накрыл голову Малушки своей лапишей и дыхнул на него.

Голова мальчишки закружилась; вокруг появилось светлое облако, а когда развиднелось, Малушка услышал неясный шепот, доносившийся из-за полога кибитки.

Юный разведчик поближе подкрался.

Говорили печенег бойко, но понятно было всё.

– Мало платишь, хозяин. Рисковать заставляешь, а мы не рабы. Здесь, в урусской стране каждый камень нам враг, каждый мальчик в нас видит кочевников. Здесь только можно грабить да убегать без оглядки, а улыбаться и кланяться этим долгополорубашечным мы не привыкли. Уйдём в степи к шайтану или плати!

– Я плачу и платить буду столько, сколько мы условились на Итиле.

– Ну, тогда мы уходим, шайтан с тобой.

– Никуда вы, собаки, не пойдете.

Внутри кибитки послышались звуки борьбы, сдавленный хрип, ругательства.

– Стойте, твари, не убивайте – дайте слово скажу.

– Говори.

– Руки отпустите. Вы, ослы вислоухие, сундук распотрошили и денег не нашли. А нету денег – все потратил на вас же, бараны, а ещё больше на подкуп предателей и взятки вельможам.

– Ну, тогда мы пошли.

– Да, погодите вы! Вот эти свитки ягнячьей кожи вы отбросили за ненужностью – не нашли в них ценности, верблюды безмозглые. Не знаете, что в них, и не знаете того, что за каждый свиток архонт ромейского басилевса отвалит полную корзину золотых монет.

– А что в них ценного? – недоверчивый голос. – Каракули синей краской... а здесь, кажись, кровью.

– Сам ты каракуль барана кастрированного! На этих свитках планы крепостных укреплений урусских городов и поселений – весь восточный вал здесь. Мы с вами третий месяц уже путешествуем и не зря. Еще бы по южному краю пройтись – через Муром и Киев до Чернигова – и не будет в нашей степи никого богаче нас.

– Зачем это надо архонту ромейскому?

– Не твоего ума дело. А впрочем, смекаю: быть большому походу ромейцев в урусские земли.

Зашумели в кибитке.

– Это добрая весть.

– Мы с ромейцами всегда заодно.

– Города богатые брать, это не скот с заимок угонять – там много добычи.

– Мы пойдем с тобой дальше, Тирах, но смотри: обманешь – живот вспорем и повесим твои кишки сайгаку на рожки, побегаешь за ним по степи.

– Тогда так – дальше вместе к ромейскому золоту. Деньги, что я вам платил, доставайте и в общий котел – у меня больше не на что путь продолжать.

– Хитрый ты, как мурза сарацин – мы и работай на тебя и тебе же плати за нашу работу.

– Вы сами решили войти со мной в долю, а каждое дело золота просит.

– А что если мы тебя сейчас свяжем и бросим; свитки возьмём и поскачем в Корсунь к архонту. Здесь столько уже крепостей зарисовано и, если за каждую по корзине золота, нам будет с чем в степь возвращаться.

– Как в народе у нас говорят? – то, что знает один, не знает никто; знают двое – знают все. Не считайте ромейского архонта дураком – он свитки от вас возьмет, а золото расплавит и в глотки вольёт. Он ведь не хочет, чтобы весть о походе ромейцев раньше времени урусских земель достигла. И потом – он меня посылал, меня и ждёт. А вас просто к нему не допустят ни со свитками, ни без них. Уразумели, хвосты шакальи, что вам без меня никуда. Вы, шайтан-майтан, тупее урусского мальчиша. Ладно, кончаем базар – по местам. Если еды будет не на что взять, голодаем все. Путь на Чернигов, а оттуда в Корсунь. Все пошли прочь. Багатур задержись.

Малушка отпрянул от кибитки купца и не услышал, что говорил Тирах своему преданному воину. Выйдя из кибитки, печенег, заседлал коня и умчался прочь, махнув на прощание рукой товарищам.

Малушка вернулся к кустам калины в сильном волнении.

– Что случилось? – заметил его волнение Идилон.

– Я понял, зачем Тирах купцом прикидывается. Он ходит по крепостям и рисует, как они устроены, чтобы быстро их завоевать, тогда и городам нашим преграды-защиты не станет, – Малушка огорченно вздохнул и сел под калиновый куст, обхватив голову.

Дракон помолчал и тихо сказал:

– Значит, надо эти рисунки у купца отобрать.

– Ой, – вдруг вскочил на ноги мальчик, – Тирах куда-то своего воина послал. Видел всадник умчался галопом? А вдруг с ним купец эти рисунки и отправил в Корсунь к архонту ромейцев?

Идилон хохотнул тихонько:

– Ну, этого мы враз догоним, подожди меня.

Дракон в два взмаха поднялся над деревьями и полетел вдогонку всаднику. Малушка не успел улечься удобней, как услышал легкий шум крыльев, и за кустами приземлился Идилон с котомкой в лапе.

– Вот, посмотри, что там, – протянул дракон Малушке свою добычу.

Мальчик осторожно высыпал содержимое котомки на траву.

– Ничего похожего на рисунки, – пробормотал он. – А вот береста с каракулями, письмо что ли? Эх, читать я и по-русски не умею, а тут...

Дракон осторожно подцепил когтем берестянку, дохнул огнём, та затлела. Потом Идилон быстро вдохнул палёный воздух и тихо сказал:

– Послание это тиуну Юромке, чтобы ждал Тираха через три дня.

– Эх, узнать бы, когда они хотят на Ужгорскую крепость напасть, – вздохнул Малушка.

– Можно выпытать, – предложил дракон.

– Нет, – твёрдо сказал Малушка, – скажут нам, а сами потом всё поменяют. Надо в крепость возвращаться и с воеводой разговор вести.

– Мне к воеводе путь заказан, – проговорил Идилон и вдруг зажал мальчику рот своей лапицей.

Малушка дёрнулся, но тут же притих, у повозки стоял Тирах и оглядывался.

Рядом с купцом встал охранник, а Тирах ему что-то говорил. После его тирады, печенег кивнул и кинулся в лес, а Тирах скрылся за пологом повозки.

– Тирах послал его в селение Попалутово, к старосте, чтобы вернулся в крепость на убывающей луне, – перевел Идилон речь Тираха.

– Я там родился, там семья наша жила, – Малушка изо всех сил старался не заплакать. – Выгнал меня староста из родительского дома, когда умерли все. Знаешь, Идилон, а ведь именно староста попалутовский должен открыть крепостные ворота врагам. Я подслушал там, в крепости.

– Давай я тебя отнесу туда, а уж как предстать пред взором воеводы, сам придумай, – предложил дракон.

– Понимаешь, надо нам рассвета дожждаться – ведь для чего-то Тирах меня приютил. Вот выясним и уйдём. Надо поспать, – Малушка улёгся под калиновый куст и приладил под голову котомку.

– Ты спи, но меня не теряй, я должен в своей потаёнке утра дожждаться, – прошелестели крылья, и дракон улетел.

Малушка смотрел на тлеющие угли костра и не заметил как уснул. Разбудил его грубый пинок в плечо.

– Эй, малшика, переставай спать. Дело ест у мой к твоей.

Малушка вылез из-под куста, протер глаза и проворчал:

– Чего пинаешься, гад? Чо надоть?

Этой ночью в Ужгорской крепости Дарёна вскрикнула во сне и проснулась.

– Что с тобой, донюшка? – с лавки скользнула к её кровати нянюшка.

– Сон ужасный приснился, – девочка села, поджала колени к груди и натянула на себя одеяло, как будто оно было кольчугой, призванной защитить от кошмаров. – Нянюшка, ты умеешь сны объяснять?

– Расскажи, – Добряна потянулась до хруста костей и громко зевнула.

– Не испугаешься, коль расскажу?

– Ты ж не испугалась....

– Еще как! Ну, слушай... Приснился Малушка мне... мальчик который из леса меня привел, когда я заплуталась в ём... ну, помнишь? Руки у него связаны, а глаза грустные. Его набегники в своей кибитке увозят в степь....

– Это добрый сон. Вернется Малушка твой на коне и с цветным ромейским платком – в подарок тебе.

– Да слушай ты, это не всё! Печенег меж собою калякат, а я будто понимаю... Они говорят – сдохнет мальчишка, не довезём... надо, пока живой, печень вырезать и съесть сырой – от всех недугов снадобье...

– И ты закричала?

– Да нет же! Я к Малушке прокралась, путы на руках развязала и шепчу ему: «Надо бежать».

– И вы убежали?

– Ага. Только он не пошёл со мной. Грит – надо свитки из другой кибитки похитить. И побежал за степняками вдогон.

– Надо было схватить его за руку и не пущать.

– Ага, удержишь его! Знаешь, какой он сильный – он шишку на елке у самой вершины другой шишкой сбивает.

– И что дальше?

– Я тогда страшно разозлилась – его спасаешь, собой рискуешь, а он опять лезет в пекло.

– Все они, мужики, такие – поддакнула нянька. – Сказывай, че дальше было.

– Браню его браню, а сама вслед иду.

– Ну и зря, я бы домой стремглав побежала.

Дарена умолкла и поджала губки.

– Ты сон сказываешь или я?

– Да ты, ты... сказывай дальше. Пока все хорошо у тебя: когда во сне плохо, в жизни бывает наоборот. Ну, говори...

– Когда я догнала обоз степняков, Малушка как раз в кибитку залазилал... И тут... мамочки родные!.. змей налетел... пасть огромная... лапы... когтища... крылья такие что...

ой, даже не знаю с чем сравнить... Как схватил он кибитку в пасть, вверх поднял вместе с конями... кони потом оборвались и под ноги мне упали... Тут я вскрикнула и проснулась. Перепугалась ужасно.

– Гм... кони упали... это к ненастью, – Добряна поскребла ногтем затылок. – Змей к чему? Не знаю...

Девочка тихонько, а потом все громче-громче заплакала, причитая:

– Пропал Малушка... дракон его съел... меня из леса вывел, а сам пропал...

– Ну, будя, будя тебе, – утешала нянюшка девочку, глядя по волосам. – Это же сон, как ему верить? Перестань, спи, а тебе песенку спою.

Дарёна обняла подушку и под тихую песенку Добряны уснула.

Тирах достал из-за пояса резную табакерку, прихватил щепоть табака и вложил в ноздрю. Малушка с интересом ждал продолжения. Но печенег лишь слегка подвигал носом, крякнул, словно утка в камышах, и, растягивая слова, подавляя чих, проговорил:

– Моя думаль ночью. Ты не знай дороги на слободу, ты моя не нужен. Иди, куда твоя шёл, на глаза моя не попадай.

Тирах зычно чихнул и пошел к кибитке.

Малушке два раза говорить не надо. Как только печенег отвернулся, мальчик скрылся в лесу. Когда он удалился от лагеря купца, что даже запах костра не ощущался, Малушка остановился и огляделся. Увидев тонкую березку, подошёл к ней и обнял, прижавшись всем телом. Подумалось почему-то в этот миг о Дарёне:

– Я приду, Дарёна. Я спасу тебя от печенегов. Не кручинься.

Дорога к крепости заняла весь день, потому, что идти пришлось по лесу, Малушка опасался попасться на глаза Тираху, подозревая, что тот не ушёл далеко от крепости.

Когда сквозь деревья завиднелись крепостные башни, Малушка переплыл реку, благо она была не широкой и не очень глубокой. По краю леса мальчик шёл вдоль реки, внимательно оглядывая крепостные укрепления. Река делала крутой поворот, и в её излучине на крутом берегу и стояла крепость. На том берегу, почти от самой воды по склону поднимались густые заросли лозняка, местами они доходили до крепостной стены. Малушка увидел то самое место, по которому он добрался до основания одной из башен.

– Река тут глубже, чем дальше по течению, но для сильного мужика не составит труда ее переплыть и добраться до крепости, – тихо проговорил мальчик.

Березовая поросль зашелестела вдруг под грузными шагами, и Малушка услышал голос дракона:

– Еле нашёл тебя.

– Почему я тебя не вижу? – оглядевшись, спросил Малушка.

– Я умею становиться невидимым, нельзя же перед крепостью мне появляться до времени, – тихо сказал Идилон, а ветви березняка заколыхались под его дыханием.

– Вот смотри, Идилон – на том берегу под самой крепостной стеной лозняк высоко разросся, я сам по нему до башни залез.

– Я видел, у другой стены тоже есть такие заросли, – дракон придвинулся к мальчику.

– Если воевода начнет рубить кустарник, предатель предупредит об этом врага, обеспокоено прошептал Малушка. – Надо что-то придумать, а потом идти к воеводе.

– Предоставь это мне, – Идилон положил лапу на плечо мальчику. – Я сожгу весь лозняк, оставаясь невидимым.

– Но как же стены крепости? Они не загорятся? – встревожился Малушка.

– Не беспокойся, моё пламя сожжет кусты так быстро, что до стен не дойдет – но воеводу предупредить надо.

– Ты сможешь перенести меня на тот берег? – Малушка на миг представил, как парит над водой.

– Легко! И тебя даже никто не увидит, раз я невидим.

– Тогда мне надо вон к тем кустам, оттуда я проберусь в крепость.

Малушка даже испугаться не успел, как уже стоял перед зарослями и стал подниматься по склону.

В Ужгорской крепости Воевода Былята и волхв Важин держали совет.

– Что сказали боги тебе?

– Ветры с юга пахнут гарью – быть великой беде на Руси.

– Это все слова. Ты баб пугай такими напастями, мне делово говори – кто? откуда? сколько?

– Нет у меня такого ответа. Буду снова молиться, опять жертву принесу – надо умиловать богов. А пока молчат. Если ты меня извинишь, воевода, я, наверное, пойду в свои покои и отдохну чуток. Ночь на капище волховал, днем миряне приходили... устал, – Важин подошел к двери.

Былята взял в руки ковш с квасом.

– Да и мне пора крепость обойти. Ещё предстоит кое-что посмотреть, кое-где подлатать.

Волхв улыбнулся от двери:

– Ты на крепость стен надеешься, я верю в силу русского духа.

– Ничего, – просто ответил Былята, он допил квас и поставил ковш, поднялся могучий грудью и руками, узкий бедрами и в талии, как былинный воин с картин малеванных, что украшают княжьи покои. – И крепость духа, и крепость стен, всё сгодится в борьбе с врагом.

Важин кивнул:

– Побольше бы на Руси таких как ты – справедливых и ратному делу приученных. Попроси хорошенько любаву свою – пусть родит тебе сына. А я помолюсь за счастье ваше.

– Всеслава баит – мальчишки к войне рождаются, девочки к миру. Да, Важин, совсем забыл – ты на капище ночью ходишь один? Давай я тебе дружинников дам для охраны. По нынешним временам всяких пакостей можно ждать от набегников да людишек лихих.

Волхв остановился в дверях:

– И каков же тогда я любимец богов, ежели с охраной к ним ходить буду?

– Это, конечно, твое дело, но мне кажется, на месте степняков перво-наперво ударить надо по вере людей. Будь я набегником, сжег бы капище.

Важин непонимающе поглядел на него:

– Что ты такое говоришь, воевода? Если есть такая опасность, поставь дружинников охранять капище.

– Там невозможно держать оборону – лишь понапрасну людей загубим. Я тебе охрану хочу дать от лихого человека с ножом или печенежского лазутчика, – Былята позволил себе улыбнуться, что было редкостью. – Если боги откроют тебе – быть набегу! – ты уж немедленно поспешай ко мне за стены крепости. Кто знает – сколько их? Может, тьма-тьмушая, и снаскоку крепость возьмут. Может, продержимся чуток. Вместе, оно знаешь, и умирать не страшно, когда плечом к плечу.

– Страшно за близких наших – что с ними станется?

– И за Русь! – сурово сказал воевода. – На границе живём – до степи день пути. А ты без меча и кольчуги ходишь.

Тяжело вздохнул волхв Важин:

– Посох мой и меч, и кольчуга мне – так отделаю, что своих не узнает тот, кто захочет спытать хоть раз силу и веру волхва Важина.

– Блажен, кто верует, а я сомневаюсь – против силы, к примеру, стрела есть. А лишимся волхва, кто за нас богам слово молвит? Мне нужно, чтобы не по одиночке, кто где, а разом и в нужном месте все, кто может и хочет встали грудью на защиту крепости.

Улыбка промелькнула в глазах слуги веры.

– Боги не зря поставили тебя здесь, Былята. Ведь ты из тех, кто на удачу надеясь, дверь таки держит на запоре. Я сегодня последний раз поволхвую на капище и, если даже не будет ответа, в крепости буду молить богов. А если случится напасть, вместе с тобою встану на стену.

– Нехорошее слово молвил ты – «последний раз». По мне, так лучше и не ходи – одно дело крепость за стенами, другое капище на поляне.

– Не ворчи, не кликай беды, – Важин раздраженно шагнул за дверь.

Былята с тревогой смотрел на дверь, за которой скрылся волхв. И тревогу эту посеял в душе воеводы Важин. Не зря, совсем не зря волнуется старик, чуйка у него славная, никогда еще не ошибался. И если Важин сказал, чует беду, значит, надо ждать и готовиться. Хотя... К чему? Откуда ждать беду?

Воевода смежил веки и положил голову на сомкнутые руки.

Вдруг он почувствовал дуновения ветерка и чье-то дыхание. Былята резко обернулся к двери и удивленно уставился на гостя. Перед ним стоял тот самый мальчишка, который дочку из леса к крепости вывел. Рубаха подпоясана бечевкой, лапти, явно со взрослой ноги, также подвязаны, армяк, выдавший виды, тоже со взрослого плеча. Гость смотрел на хозяина исподлобья, сжимая лямку от котомки, перекинутую через плечо.

Былята скрыл улыбку в густые усы и спросил:

– Не по душе пришлась воеводе банька? Что же сбежал?

Малушка, глядя в глаза воеводе, проговорил:

– Настолько крепок пар в твоей бане, что я связанным на задворках крепости оказался.

– Что!? – поднялся со стула Былята. – Что ты несёшь, сучий выкормыш!?

– А ты матушку мою не поминай, воевода, – смело держался Малушка. – Шут твой гороховый вместо бани меня за скотный двор отвёл, связал и в яму сбросил. Да не о том сейчас разговор. Я сумел от пут освободиться и той ночью о заговоре против тебя узнал. А на зорьке следом за предателем шёл – хотел узнать, что против тебя задумывается.

Вот оно что! Не об этом ли говорил Важин? – подумал воевода, а вслух сказал:

– Проходи, присядь рядом да рассказывай.

Малушка сел на лавку супротив воеводы и рассказал ему всё, что узнал после встречи с Баламошкой.

Воевода молча слушал гостя, потом встал и начал мерить шагами горницу.

– Еще хочу сказать тебе, воевода, что со стороны обрыва плохо крепость твоя укреплена – кусты лозняка до самой стены поднимаются. А это значит – налётчики легко по ним до башен доберутся.

– Срубить велю, – удивляясь разумности парня, сказал Былята.

– Э, воевода, а ты подумай, увидят наблюдатели-предатели твоих дружинников работу, сразу поймут, что крепость к нападению готовится, – Малушка вскочил на ноги. – Ты вели смолы приготовить на стенах в тех местах, где кусты поднимаются, да дружинников толковых посади возле. А как лазутчик полезет, они его смолой-то и угостят.

– Дело говоришь, – удивился смекалке мальчика воевода и спросил. – А кто с Баламошкой-то сговаривался, скажешь?

– Купец печенежский Тирах и староста Попалутовский. Вот ещё подарок тебе, воевода, – Малушка достал из котомки свитки.

Былята внимательно рассмотрел их:

– Да это же... это план крепости нашей! А эти – других русских крепостей. Откуда они у тебя, малец?

– Эти свитки Тирах хотел передать ромейскому архонту. А я их решил тебе воротить. Воевода подошел к Малушке, обнял его:

– Какой же ты молодец, отрок. Быть тебе защитником земли русской. Сейчас иди, отдыхай. Да к Дарёне зайди, переживает за тебя моя дочь. Белизар, войди.

На зов воеводы в светлицу вошел дружинник.

– Белизар, отведи Малушку в баню, потом дай ему по плечу одежду и сопроводи к Дарёне. Да, велю ни на шаг от него не отходить и никого к нему не подпускать. А ко мне пусть Баламошку призовут. Повеселиться хочу.

Нянюшка сказывала – давным-давно, во времена седой старины, кони, что тогда еще были дикими, летать умели. Неизвестно, было ли так на самом деле, но кобылка Касатка, подаренная Дарёне отцом, едва только переходила на рысь, как её всаднице казалось, что она парит над землей. Стоило припустить в галоп, и девочка визжала от восторга и страха, бросив уздечку, вцепившись в гриву.

Только где тут галопом скакать? – тятенька повелел непоседу из крепости не пущать. Уж как ластилась, хитрила и юлила Дарена к стражникам у ворот – просилась вокруг крепости хоть разок на рысях пройтись... Ни в какую! Уперлись бородатые – боятся строгости воеводиной.

Девочка вертится верхом у ворот, надеется – лопухнуться вои, оставят дырочку маленькую, в которую она и выскользнет на Касатке. Но с другой стороны – пусть мала она и хила, нет лучше Дарёны наездника в крепости. Как птица в чистом поле Касатка летит, гриву и хвост распустив – как будто в седле родилась, на ней Дарёна сидит. Никто не сможет их догнать – ни вольный ветер, ни стрела печенега. Всё это, конечно, мечты, но может и правдой быть. Только как проверить, если не пускают её на Касатке из крепости в чистое поле?

– Ты куда со своим бараном прёшься? – рявкнул стражник на незадачливого селянина, замешкавшегося в воротах с упрямым животным.

– Волхву Важину велено доставить! – распунцевелся, изо всех налегая на повод, простецкого вида мужик. – Дорогой добре шёл, а тут испужался чего-то да уперся бараном...

– Вот я его щас копьём подбодрю, – пообещался стражник.

Вот он момент – решила Дарёна и, бросив повод, вцепившись в гриву, двинула пятками кобылу в бока:

– Давай, Касатка!

И Касатка не подвела – в три скачка подлетела к воротам, стрелой взмыла над землей и перескочила преграду в виде мужика с бараном и дружинника с копьём.

Узрев над головою лошадиное брюхо, мужик со страху на корточки сел:

– Ё-мое...!

Баран испугавшись, саданул ему в зад крутозагнутыми рогами. Мужик упал, баран в крепость вбежал. Только стражник не растерялся и вовремя опустил копьё, чтобы не насадить на него взмывшую вверх лошадку.

– Ай, Дарёна! Ай, головушка буйная! Ну, будет теперь ругани воеводиной.

Девочка хотела только крепость обогнуть – показать, как красив бег Касатки, как она с ней ловко управляется, как умело сидит в седле. Но вспомнила – с юга речка к стене подступает, лошади там не разогнаться.

Увидев, как выезжая из лесу, на дороге показался торговый обоз, она направила Касатку туда – вот перед кем она покрасуется! вот кому удаль свою покажет!

Белая кобылица с девочкой в седле стрелой летела по обочине. Люди с возов вертели вслед головами – восхищение было во взорах.

Тирах, как гусак злой и надутый, сидел в кибитке своей и на чем свет стоит проклинал свою глупость и урусского мальчишку, которого он пожалел, отпустив живым – а тот его обо-

крал. Шакал! Труды нескольких месяцев походной жизни и огромное состояние разом растаяли тёмной ночью.

Хороший урус – мёртвый урус! – любил говорить хан Барыс и был прав. – Если можешь убить, убей: никогда не оставляй уруса живым!

Тирах очень сильно рисковал, возвращаясь в Ужгорскую крепость. Воевода умен и не поверит простым объяснениям – мол, животы разболелись у лошадей, или встреча назначена с другими купцами. Но не знал другого пути – где и как мальчишку найти, похитившего драгоценные свитки.

Он только мельком в щель колыхнувшегося полога входа увидел девочку верхом на белой лошади и сразу её узнал.

– Ко мне, шайтаны безмозглые! На коней! Быстро девчонку догнать, схватить, в халат закатать и ко мне принести. Лошадь прикончить стрелой иль кинжалом, чтобы ни одна урусская тварь не узнала.

Печенегки кинулись вдогон за Дареной и уже почти догнали. Казалось, еще миг и беглянка будет схвачена. Один из всадников пустил стрелу в белую лошадь, но случилось что-то невозможное – маленькая всадница вдруг взмыла под облака! Испуганные печенегки развернули коней и в ужасе поскакали обратно к обозу.

– Шайтан! Шайтан! Шайтан – кричали они.

Тирах прыгнул с повозки и удивлённо встретил своих посланников. Тому, что они ему сказали, он никак поверить не мог. Лошадь с девочкой полетела по небу... Ну, этого же не может быть! Но испуганный вид всадников доказывал – было! Загадка...

А Дарёна сама не верила в свое невероятное спасение. Она смотрела с высоты полета птиц вниз на землю и боялась поверить в случившееся. Только что её чуть не схватили печенегки, но спасла удивительная сила, заставившая милую Касатку взлететь.

Полёт продолжался недолго. И вот кабылка со своей всадницей уже стоят перед закрытыми воротами. А тихий голос произнес:

– Больше не озоруй!

Дарёна что есть сил пнула в ворота, и поспешила в приоткрытую створку. Доехав до скотного двора, Дарена спешила, передала повод коневоду и побежала в покои.

Вбежав во светлицу, Дарена собралась, было, поведать матушке о происшествии, но, увидев гостя, сидевшего рядом со Всеславой у стола, потеряла дар речи.

– Доченька, ты посмотри, какой гость у нас, – улыбнулась мать, увидев её.

– Малушка, – еле выговорила Дарена. – Ой, мне надо тебе столько рассказать! Пойдём на крылечко.

– Ступайте, только из крепости не выходите, – согласилась Всеслава.

На крыльце Дарёна уселась на верхней ступени и потянула за кушак своего спасителя:

– Садись, слушай. Поехала верхом кататься за ворота. А там... печенегки за мной погнались.

– Что? – вскочил на ноги Малушка.

– Да ты сядь, слушай, – снова потянула его за кушак Дарена. – Думала, всё, щас схватят – видела, один лук натянул, как вдруг моя лошадка в небо взлетела! Печенегки испугались и обратно помчались. А мы с Касаткой летели-летели и перед воротами опустились. И кто-то мне тихо сказал: «Больше не озоруй!» Представляешь?

Малушка догадался, кто спас на этот раз беспечную воеводину дочку, и заулыбался.

– Чего ты смеешься, – Дарёна обиделась. – Не веришь мне?

– Почему? Верю, очень даже верю, – стал серьёзным мальчишка. – А вот сейчас как пойду к воеводе, да расскажу ему о твоём приключении – как тебя чуть печенегки не схватили... Что батюшка твой скажет, а?

– Ой, Малушка, не надо, не говори! – батюшка не разрешит мне больше на Касатке кататься.

– А знаешь, кто тебя спас? – лукаво глядя на девочку, спросил Малушка.

– Кто? – Дарена смотрела на него, широко раскрыв глаза.

– Помнишь, мы с тобой на подходе к крепости видели, как печенегов на поляне гоняло чудище?

Дарёна вспомнила свой страх в тот момент и кивнула.

Малушка помолчал, испытующе глядя на подружку:

– Боюсь тебе говорить, вдруг сболтнешь кому...

– Малушка, миленький, скажи! Я никому не сболтну! Никомушечки! – умоляюще глядя на него, просила Дарёна.

– Так вот. Я слова заветные знаю, и сумел с этим чудищем подружиться. Это ханский дракон, зовут его Идилон. Его печенеги разбудили. Разграбили курган, где он был зарыт вместе с погибшим ханом. Вот он и прилетел сюда, их найти и наказать.

– А почему я его не увидела? – прошептала Дарена ни жива, ни мертва.

– А он умеет становиться невидимым, – улыбнулся Малушка.

– Малушка, – появился у крыльца дружинник Белизар. – Айда, тебя воевода кличет.

Важин понять никак не мог, почему Боги молчат? – он и жертву принес, и молитву творил: все по правилам. Наверное, мысли его одолевали в ту ночь посторонние – не смог сосредоточиться и не увидел знамение Перуна. На этот раз он возьмет себя в руки – жертвенная кровь на алтарь, молитва богам и полное внимание до оцепенения, без посторонних мыслей.

Жертвенный баран, с вечера подкормленный отрубями замешанными на отваре одалень-травы, был полусонным и без понуканий плёлся на привязи. Нож наточен. Мысли собраны. Ночь. Охранники пропустили его в ворота. И вот волхв идёт с бараном на привязи по тропинке лесной в сторону капища.

В полутьме на поляне среди богов он почувствовал что-то странное, никак не относящееся к деревянным идолам. Важин остановился, придержал барана, внимательно огляделся и прислушался. Ничего не увидел и не услышал необычного. Ночь как ночь – звезды перемигиваются, шорохи в траве, звон цикад. Он хотел было идти к жертвенному алтарю и вдруг снова услышал шелест травы под чьей-то ногой.

К сердцу сразу подступила тревога. Накаркал, пёс, – неприязненно подумал Важин о воеводе.

На капище кто-то был – волхв явно слышал шелест травы от шагов. Будто ватага врагов крадется из тьмы.

Отпустив повод жертвенного барана, Важин взял в обе руки посох, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу, и замер, моля Перуна прогнать тучку, застывшую диск луны. Бог богов услышал его. Яркий свет ночного светила брызнул с небес и осветил всю поляну с идолами от края до края.

Их было трое – три тёмных тени в ночи, и окружили они волхва с трех сторон.

Гортанный голос с акцентом пронзил тишину ночи:

– Бросай палка, балшой урус, падай и не двигай ничем, лежи.

Важин в изумлении наблюдал за татями ночи. Да, ему не очень-то везло в последние дни – то боги молитвы не слышат, то он их – а предчувствия томят, а тучи сгущаются над Ужгорской крепостью. И вот теперь эти – что им здесь надо?

Волхв заметил лук в руках говорившего – сверкнул в лунном свете наконечник стрелы. Судя по размеру, лук кочевника – такой удобно возить за седлом. Но это же невозможно! Печенеги на капище! – в трехстах шагах от Ужгорской крепости. Может, тут их целое войско?

Времени на раздумья не оставалось – вот-вот запоёт стрела.

Важин бросил посох перед собой и лег так, чтобы было удобно и оружие свое схватить и быстро вскочить. Оставалось ждать продолжения.

К нему подскочили, надавили коленями – стали путами руки вязать и стреножить.

Вот тут вы, вражины, дали маху! Эх, ма! Раззудись рука!

Важин вырвал из цепких клещей и руки, и ноги свои – одного за горло схватил могутной дланью, другого в косицу хватил носком сапога. Один мешком повалился в траву без крика и стопа, другой захрипел и задергался в его руке. Волхв поднялся с ним во весь свой огромный рост, поднял и татя, уже обмякшего. И тут увидел свою ошибку – третий разбойник стоял на своем месте и целил в него стрелой.

Бубенчиком тренькнула тетива тугая – стрела пустилась в полёт и пропала с глаз. И вдруг из темноты ударила Важина в грудь, войдя по самое оперение.

Волхв покачнулся и подумал – прав воевода был: кольчуга б спасла.

И еще подумал – пока жив, идти буду.

Бросил удавленного татя и пошел на лучника – широко, размашисто, по-богатырски. Шаг, второй, третий... Другая стрела пронзила грудь волхва – он покачнулся, сбилось дыхание. Отхаркался кровью и дальше пошел. Шаг, второй, третий... Третья стрела угадила в глаз и наконечником вышла из затылка.

Волхв закачался на месте, размахивая руками, ничего не видя и желая только одного – сесть на землю, успокоить её. Твердь вдруг стала качаться под его ногами, как крышка кадушки на воде – то один край попытался на голову опуститься, то другой.

Важин упал.

Глава 3

Ночной ветер гнал из-за леса огромную тучу, сверкавшую зарницами. Ещё чуть-чуть и гроза разразится над крепостью. Былята стоял на самой высокой башне и внимательно вглядывался в предгрозовую ночь. Где-то там, в темноте за воротами было капище, на которое ушёл Важин.

– Где же ты, волхв? – сердце сжалось в тягостном предчувствии.

Неожиданно сверкнула молния, и кусты, о которых говорил накануне Малушка, вспыхнули ярким пламенем.

Воевода перегнулся через перила – огонь сжигал кусты, не приближаясь к стенам крепости.

– А где гром? – поразила Быляту тишина, – вот ещё одна молния, уже на кусты с восточной стороны, а грома снова нет, странная какая-то нынче гроза.

Вдруг воевода увидел огонь, где совсем не ожидал увидеть, в стороне капища.

– Важин! – застонал Былята. – Говорил же, не ходи один.

Пламя, горевших идолов, осветило печенегов, прыгающих в диком танце посреди поляны. У одного из них в руках было копьё. Ноги воеводы подкосились, когда он понял, что за шар с развевающимися белыми нитями украшал копьё танцующего печенега. То была голова волхва, седые волосы Важина словно белое облако качались вокруг неё.

Вдруг с неба сверкнула ещё одна тихая молния, ударив прямо в печенега с копьём, потом ещё раз, и другой, настигая всех, кто убил волхва и поджёт капище. Скоро они живыми факелами бегали по поляне – до слуха Быляты, да и всех в крепости, донеслись их предсмертные крики.

Всё заглушил гром, прогремевший наконец с ночного неба. А хлынувший ливень постепенно загасил пламя над капищем.

Былята смотрел в его сторону и долго не мог понять, то ли слёзы бегут по щекам, то ли дождевые струи. Он взглянул внутрь крепости. В стане дружинников поднята тревога, и все они заняли места на стенах, готовые отразить нападение. Поселенцы-мужчины так же были на стенах и у ворот.

Но до рассвета никто к крепости не приблизился.

Едва солнце высветило верхушки деревьев, Былята велел позвать к себе плотника.

– Исполать тебе, воевода, – с поклоном поприветствовал хозяина вошедший в светлицу мастер.

– И ты будь благословен богами, Стожар. Проходи, присядь рядом, – жестом пригласил Былята. – Тяжелая просьба к тебе у меня. Давно Желя и Карна не приходили в нашу крепость. Но нынешней ночью послала их к нам сама Морена. Тяжело на сердце, Стожар, ох, как тяжело.

– Слышал я ночью страшные крики за крепостью, – тихо проговорил плотник, – кому домовину мастерить, скажи, воевода.

– Тот, кому домовина нужна, погиб, как подобает русскому человеку. Без стога, без крика. А смертным криком себя осквернили те, кто убил его, – Былята кулаками грохнул по столу.

– Кто же сей воин?

– Важин. Убили вороги нашего волхва и капище сожгли. Строгай домовину и готовь дрова для костра. Как готов будешь, скажи. Отправимся на место.

Сраженный страшной новостью Стожар, понурился, направился к выходу.

– Да, – остановил его воевода, – не говори в крепости о смерти волхва до поры до времени. Ступай.

Тяжелой поступью Былята пошёл на половину супруги.

Всеслава ждала мужа – как все в крепости, она слышала ночью страшные крики.

– Всеслава, жена моя, – с порога обратился к ней воевода, – позови баб-стряпух, готовьте тризну во имя Важина. Тризну будем править в крепости, на площади, а отдельно пусть готовят блюда для кормления земли, чтобы Морена быстрее приняла к себе павшего волхва. Еще принеси мне полотна белого для савана.

Всеслава ладонью прикрыла рот, сдерживая рвущийся крик, и только кивнула в ответ мужу.

В полдень траурная процессия вышла из ворот крепости. Дружинники несли домовину, на подводе везли дрова, лопаты, вилы и большой котел с ритуальной едой.

Прибыв на капище, Былята был удивлён до глубины души, но сумел не показать этого. Тела печенегов сгорели дотла, только кучки серого пепла указывали на них. Тело же волхва возлежало на широкой доске, нетронутое огнём. Голова лежала на месте, лишь широкая полоса на шее говорила о том, что она была отсечена.

Воевода дал команду, и погребальный костёр был сложен посреди сожженного капища, под него закопали котел с едой для земли. Недалече установили домовину. Важина дружинники вместе с воеводой водрузили на костёр.

Былята, не пряча слёз, поднёс факел к дровам.

– Прощай, – одними губами прошептал он.

Неуступчивый и сварливый Баламошка с детства был частенько бит своими сверстниками. Затаился и растил в себе людоненавистника. Однажды подсмотрел, а потом здорово сыграл припадок больного падучей болезнью странника. Жизненная стезя была определена – он стал блажным, придурковатым, ёрным на язык и поступки человеком. Скорее шутком при обеспеченных средствах или властью, хотя имел острый ум и наблюдательный глаз. Отсюда и Баламошка – он давно забыл, как звала его мать.

С неудовольствием он обнаружил себя в той самой яме, куда столкнул, связав, пришлого мальчонку. Сколько он в беспамятстве отлежал? – кто бы сказал. Голова раскальвалась – ладно, что совсем не отлетела: удар был очень сильный. А вот шишки не было и крови тоже – кажется, пацан его котомкой шандарахнул. Камни он там, что ли, носит?

Окончательно придя в себя, Баламошка оценил ситуацию. Она была аховой. Конечно, можно было наврать воеводе: голова, мол, сбой дала, от того и мальчишку связал. Потрястись, пенку на губы припустить – глядишь, не казнит. Но выпорет точно. Неизвестно ещё, знает ли мальчишка про его шашни со старостой и доложил ли о них воеводе. Нет, рисковать не стоит – надо бежать из крепости.

Но уходить со двора с пустыми руками не в правилах Баламошки.

Сказано – сделано: дождавшись ночи, он прокрался на подворье Быляты. Собаки знали его, и шум не подняли. На крышу вскарабкавшись, через трубу Баламошка спустился в печь – ту, что обогревала в холодные дни покои воеводы. Летом её не топили, и сейчас зев был прикрыт заслонкой.

Баламошка устроился в глубине печи, привычный к голоду и неудобствам. Посидим и послушаем, решил он, воевода сам мне укажет, где прячет казну. Его быстрый, незнающий устали ум, все рассчитал точно. Он стал свидетелем откровений волхва и Быляты. А потом визит мальчишки открыл ему тайну – где воевода хранит сокровища.

Отправив мальчишку с дружинником в баню, Былята ещё раз осмотрел свитки – покачал головой, языком поцокал.

Явился дружинник и доложил, что Баламошку невозможно найти – нет его в клетки, где обитал, и никто не видал его с позавчерашнего дня.

– Чудеса! – удивился Былята и махнул дружиннику – иди, мол, понял.

Достал из щели ключ и открыл им замок на большом окованном по углам сундуке. Опустил туда свитки и всё привел в исходное положение.

Покинул комнату со словами:

– Словлю – собственноручно до смерти запорю.

А тот, к кому относились эти слова, ловко вылез из печи, прикрыл на засов дверь, чтобы кто-нибудь ненароком не ворвался, достал ключ, открыл замок и неспеша рассмотрел сокровищницу Ужгорской крепости. Выкинул из мешка меха – куны и соболяшки шкуры. Сложил в него свитки и добавил к ним большой и тяжелый кошель золотых монет – казну дружины крепости. Закрыл сундук, положил ключ на место, открыл засов входной двери и снова забрался в печь, прикрывшись заслонкой.

Когда воевода стоял на стене, всматриваясь в горящие кусты и огни на капище, Баламошка беспрепятственно спустился по верёвке на безлюдной и неосвещенной стороне крепости. Шёл без дороги полем, лесом. Шёл, полагая – то, что удачно началось, должно успешно и завершиться. В чаще лесной в корнях заветного дуба спрятал кошель с казной, а в дупле, в котором неоднократно ночевал, пускаясь в различные авантюры, оставил мешок со свитками для ромейского архонта. Правильно полагая, что до Корсуни ему не добраться с таким приметным грузом, решил получить выкуп здесь и сейчас – отправился на поиски Тираха.

Шёл наугад, выбирая направления в сторону противоположную от крепости.

К утру случайно наткнулся на печенегов. На большой поляне расположились степняки табором. Орда целая, но женщин не было – шли налегке, без кибиток.

Впрочем, когда Баламошку часовые схватили и поволокли к шатру темника, он увидел несколько кибиток, группой стоявших на краю поляны.

Это, должно быть, Тирах, – с облегчением подумал беглец.

– Отправись с рассветом в Муром. Доложишь о гибели Важина. Пусть пришлёт нам князь Пётр нового волхва, – наказывал гонцу воевода.

В этот момент в светлицу вошли Белизар и Малушка.

– Исполать тебе, воевода, – поклонился Белизар, а его спутник молча склонил голову.

– Что-то случилось? – повернулся к ним Былята.

– Воевода, ты велел Баламошку к себе позвать, – начал говорить Белизар, но воевода перебил его:

– Так я звал его ещё третьего дня!

– Но нету дурачка в крепости, – развёл руками дружинник. – Сбежал. Воротные его не видели, значит, тайным ходом сбёг.

– Проверил бы ты, воевода, – встревожено проговорил Малушка. – На месте ли те свитки, что я тебе передал.

Былята, внимательно посмотрел на мальчика, достал ключ и открыл сундук.

– Нет свитков, – воскликнул он. – Похитил шут. И казны нет! Предатель! Догнать!!!

– Так где ж его теперь догонишь? – возразил Белизар. – У нас одна дорожка, у него тьма тьмущая, да и ушёл он не только что.

– Батюшка воевода, дозвожь сказать, – Малушка тронул воеводу за рукав.

Былята кивнул, ещё не придя в себя от происшествия.

– Я так думаю, Баламошка будет искать Тираха. Ему свитки вернуть захочет. Позволь мне отправиться на поиски. Я смогу и до Мурома добраться. Сейчас вокруг крепости немало врагов обитает, взрослого да ещё всадника быстро скрутят и убьют. А я лесными тропками пройду. Думаю и Тираха найду, и Баламошку. И в Муроме о волхве князю скажу, – уверенно говорил Малушка.

Былята сидел, задумавшись, долго – гонец, Белизар и Малушка уже и ждать устали. Наконец, воевода встал, сделал несколько шагов по светлице и обратился к мальчику:

– Твоя правда, малец. Твоя. Хоть и боюсь я за тебя, но понимаю, что ты сможешь лесными тропинками и дорогами поручение моё выполнить. Значит, так, Белизар, подготовь Малушку. Еды дай, оружия какого снаряди и проводи.

Воевода подошёл к Малушке и обнял его:

– Смелый ты отрок. Вернёшься, пойдёшь служить ко мне в дружину?

– С радостью, воевода, – ответил Малушка и вместе с Белизаром вышел из светлицы.

Получив в стане дружинников запас еды, охотничий нож и лук со стрелами, Малушка вышел за ворота. Когда крепость скрылась за пригорком, он вошел в лес и тихо позвал:

– Идилон, ты здесь?

Дракон покряхтел, словно старый дед, и отозвался:

– Долго ждал тебя. Все бока отлежал.

– У нас с тобой важное задание от воеводы, – тихо проговорил Малушка. – Надо найти сбежавшего Баламошку, вернуть украденные им свитки, а потом добраться до Мурома к князю Петру и доложить о гибели волхва. Крепости нужен новый служитель богов.

– Я готов, – просто ответил дракон и подставил мальчику плечо. – Влезай. Полетим над дорогой невидимыми.

Темник хана Барыса Анбар почти без акцента говорил по-русски.

– Развяжи свой язык, – сказал он стоящему перед ним на коленях Баламошке.

– Я советник воеводы Ужгорской крепости Житомысл. Бежал от него, хочу к вам поступить, хочу верно служить вашему ханскому величеству. Хочу табун лошадей своих иметь и полную юрту жен.

Обнажив красивые зубы, Анбар оглушительно расхохотался, и все присутствующие в шатре поддержали его.

– В степи говорят – две бабы в одной юрте никогда не уживутся, а ты хочешь целый гарем в ней держать.

И снова оглушительный хохот степняков.

Житомысл-Баламошка насупился и, когда смех степняков затих, сказал:

– Я помогу вам взять Ужгорскую крепость малой кровью.

Печенеги разом посуровели.

– Говори.

– У вашего купца Тираха есть русский приятель Попалутовский староста Багалея. Надо послать его в крепость с вестью – мол, в село их приехали печенеги и, если дань селяне не заплатят, грозятся сжечь, а самих в полон угнать. Теперь печенеги спят, упившись бражки. Если воевода даст с десяток воев, их всех можно повязать и в крепость доставить. Былята даст дружинников, а вы их подловите в лесу и прикончите. Потом оденете их доспехи, еще столько же воинов возьмете под видом пленных и спокойно въедите в открытые ворота крепости....

Чуток поразмыслив, Анбар сказал:

– Будет тебе табун лошадей и полная юрта баб. Кликнуть Тираха!

Воин стремглав кинулся выполнять поручение темника.

– Сколько тебе лет, советник воеводы?

– Двадцать восемь лет и столько же зим.

– Мудер! Крепость возьмем, будешь моим советником.

Из кувшина налил в рог кумыса, подал перебежчику.

– У тебя братья и сестры есть?

– Нет никого – гол, как сокол.

– Разве соколы голые?

– Так в народе говорят, мой хан.

– Я не хан, но сын хана от русской наложницы. Будешь при мне – научишь вашей народной речи. Ты женат?

– Не-ет..., но мечтаю.

– Будут деньги, будут жены – верно служи.

– Яки пёс!

Вошел Тирах, с достоинством преклонил голову перед ханским военачальником.

– Звал, Анбар?

– Есть у тебя товарищ – староста в урусском селении?

– Есть, отважный.

– Немедля пошли за ним.

– Зачем, о меч, разящий врагов.

– Я велел.

Тирах откашлялся, повертел головой, будто легкий шарф китайского шёлка душил его отечную шею и тихо сказал, чтобы слышал только Анбар.

– Я не простой купец. Я специальный посланник хана Барыса в урусские земли. У тебя нет права приказывать мне.

– А кто помешает мне бросить тебя связанным на муравьиную кучу?

– Гордость, нахрабрейший. Меня похоронят с почестями, а твою голову насадят на копье у ханского шатра.

Некоторое время два печенега разили друг друга взглядами. Анбар уступил.

– Можно взять Ужгорскую крепость малою кровью. За это хан на кол не посадит?

Пряный запах лечебных трав наполнил опочивальню. Старуха-ведунья тихонько водила слегка дымящим пучком трав над лежащей на кровати с закрытыми глазами Дарёной и что-то шептала. Потом загушила пучок в ендове с родниковой водой и повернулась к Всеславе:

– Больше не будут твою дочь злыдни пугать. Пои её на ночь моим отваром, и сон крепок будет.

– Спасибо тебе, бабушка, – жена воеводы приняла из руг ведуньи баклажку с питьем.

– Да, погоди ты благодарить, – осерчала ведунья. – Сны дочери твоей вещие. Беду чует девонька, вот и кричит по ночам. Молитесь Ладе-Рожанице да Макоше, пусть отведут ворогов от ворот. Знаю, нет больше капища. Так ты сверни из чистой ширинки матрешку, намажь ей очи сажей, а губы мёдом, и на рассвете покажи её Яриле, а на закате к Макоше обратись с такими словами: «Матушка моя, Макоша наша! Благослови дитя моё, чтобы болезнь ушла из тела, чтобы покой вернулся в сны, чтобы была счастлива дочь твоя Дарёна. Слава Макоши!»

Старуха собрала в узелок свои снадобья, поправила Дарёне одеяло, погладила по волосам:

– Спи, а Лада с Макошью твой сон остерегут, – и вышла.

Всеслава прилегла рядом с дочерью, стала её оглаживать и тихо петь колыбельную.

– Вижу! Вижу! Смерть твою, хан, вижу! – шаман стучал колотушкой в бубен, кружился на месте, так, что мельтешило в глазах. – Птица-ворон к тебе прилетит с вестями. Поверишь этим вестям, в поход пойдёшь, а там ждёт не дожётся тебя смертышка лютая! Сам голову сложишь, и ханство твоё потеряют наследники.

Шаман резко остановился, вскинул над головой бубен, стукнул в него последний раз и рухнул на ковёр.

Хан Барыс терпеливо ждал, когда шаман очнётся. Он привык прислушиваться к словам любимца Богов, потому и часто принимал верные решения. За это умение ходила за ним слава человека мудрого и удачливого. Нынешнее камлание повергло хана в уныние, ведь он надеялся еще до снега пойти в поход на урусские земли.

Шаман зашевелился и, кряхтя и постанывая, поднялся на ноги, пошатнулся и тяжело опустился на подушки возле хана. Барыс подал ему чашу с кумысом.

Шаман медленно тянул напиток и из-под лисьего малахая всматривался в лицо хана. То, что он увидел, ему не понравилось – хан был не доволен.

– Духи сказали мне, чтобы до снега ты не ходил на урусов. Я видел, как речная вода смешивалась с твоей кровью... о, мой хан, – прерывающимся голосом проговорил шаман. – А после снега, ближе к весне поход будет успешным.

– Иди, – махнул в сторону полога хан. – Я думать буду.

Дарёна сумела осторожно выбраться из крепости никем не замеченной. Её путь лежал по лесу к любимому месту в самой чаще. Там, у заветного дуба, она устроила своё маленькое капище во имя доброй богини Дивии. Добравшись до старого дерева, Дарёна достала из потаёнки узелок, где хранились припасы и вырезанный из бересты кап:

– Добрая Дивия, тебя прошу, сохрани от беды родителей моих и друга моего, Малушку.

Дарёна помазала живот капа жиром, рот – мёдом, уложила всё обратно в узелок и стала прятать под корни дуба. Но вдруг её рука нащупала в глубине поклажу. Но достать никак не смогла. Она обошла дуб с другой стороны, раскопала листья и под ними кожаный кошель.

– Я такой видела у батюшки!

Анбару пришлось изрядно напрячь зрение, чтобы разглядеть крепость с такого расстояния – высокие ворота и башенки по периметру, с которых лучникам удобно будет разить нападающих. Как и говорил Тирах, урусские крепости необычны, но по-своему очень красивы.

Потом темник посмотрел на небо. Над горизонтом собирались могучие кучевые облака, в которых вспыхивали изломанные червячки молний.

– По-моему, погода портится, – заметил он. – Не нравятся мне эти тучи.

– У нас часто бывают «сухие грозы» – тотчас отозвался деревенский староста Багалея. – Намного чаще, чем у вас в степи. Но не беспокойся – вреда от них почти никакого, гром один.

– Степняки боятся грозы – это у них в крови.

– Ты тоже, о, всемогущий?

– У меня урусская мать – она еще мальчиком меня заставляла в грозу на коне скакать.

– А я думал, пленный толмач обучил тебя по-нашенски борзо калякать.

– Хватит болтать! – оборвал его темник. – Ещё раз пройдемся по тому, что тебе предстоит. Прибежишь к воеводе и скажешь – печенеги в деревне, числом меньше десятка. Дань требуют, грозятся дома подпалить – сейчас упились и отдыхают. Можно без крови повязать – надо с десятков конных дружинников. Воевода отрядит людей, поведешь их дорогою, а вон в том лесочке мы им засаду поставим и всех расстреляем из луков – без потерь и шума. Ты как услышишь крик соколиный, падай с коня и в кусты ползи, если не хочешь стрелу в горло. Всё понял? Беги.

– Храни меня Велес! – пробормотал Багалея и поцеловал амулет на груди. И вдруг повернулся к кустам – оттуда шум ругани и борьбы.

– Тихо приказано сидеть, шайтаны безмозглые! – вырвав из ножен саблю Анбар ринулся в кусты. Деревенский староста за ним.

Несколько тел сплелись в одну кучу в отчаянной борьбе. Рядом стояла испуганная девчушка в разорванном сарафанчике. Темник кинул саблю в ножны и схватился за камчу.

– Вот я вас! Вот я вас! Вот я вас!

Сыромятной кожи семихвостая плеть со свинцовыми шариками на концах в момент рассыпала на тела кучу-малу.

– Что тут у вас? Золото? Где взяли? У девчонки отняли?

Анбар с презрительной улыбкой смотрел на испуганных воев своих.

– Значит, так – золото собрать, всем по монетке раздать, чтобы яро дрались даже в грозу.
А девчонку тетивой удавить – нечего над малолеткой издеваться.

– Слава великому Анбару! – рявкнули несколько глоток.

– Тихо вы, твари!

Тут темник увидел Багалея.

– Ты еще здесь? Хочешь, чтобы камчой прошёлся по лицу? Воеводе скажешь – от печенегов....

Анбар уже сделал шаг к своему намерению, но деревенский староста не испугался – широко распахнув глаза и рот, он заикался, тыкая пальцем в девочку.

– Говори, – ожег его задницу камчей военачальник печенегов.

И слова посыпались, как горох из сита:

...эта девка – дочь воеводы Ужгорской крепости... Дарёна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.